

В. А. ТВАРДОВСКАЯ

**КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ
РОССИЙСКИХ ПРИСЯЖНЫХ В РОМАНЕ
«БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»**

Горячий сторонник судебной реформы, Достоевский пристально следил за действием новых судебных уставов, введенных в 1864 году. Особым его вниманием пользовался институт присяжных заседателей, для самодержавной империи необычный, основанный на принципах самоуправления, независимости от администрации.

Становление нового суда происходило в стране потрясенной реформами, в трудное, переходное время. Чудовищный рост «неправильных», по выражению Достоевского, капиталов, могущество и вседозволенность «денежного мешка», жажда обогащения, охватившая многих, — все это сказывалось на жизни общества. Ослабевали семейные узы, ставились под сомнение, а не только нарушались общечеловеческие нормы морали, вековые и, казалось бы, для большинства православных незыблемые заповеди: «не убий», «не укради», «чти родителей». В обвинительной речи на суде над Митей Карамазовым прокурор скажет о пореформенной России, где все перевернулось и никак не хотело укладываться, словами и образами, близкими к публицистике Достоевского: «Множество наших русских, национальных наших уголовных дел свидетельствуют именно о чем-то всеобщем, о какой-то общей беде, прижившейся с нами и с которой, как со всеобщим злом, трудно бороться» (15, 124).

В такой обстановке правильно поставленное судопроизводство играло самую важную роль. Суд, как не раз писал Достоевский, призван защищать слабых, восстанавливать справедливость, отстаивать нравственные принципы: «Народ учится здесь правде и нравственности». Вот почему невозможно равнодушно относиться к тому, что раздается с судебной трибуны (23, 11, 18, 22—23).

В то время как в сложной пореформенной обстановке умножились и усложнились преступления, суд общественных представителей не всегда оказывался на высоте при вынесении своих не подлежащих обжалованию приговоров, проявляя порой слабость и нерешительность в наказании зла. В то же время все яснее обозначалось противоречие этого демократического института с самодержавным правлением. Начались нападки на суд присяжных как

учреждение для Российской империи чужеродное, противоречащее ее традициям и основополагающим принципам ее устройства.

Выступая с критикой ряда крупных судебных процессов 1870-х годов, Достоевский никогда не ставил под сомнение целесообразность самого института присяжных заседателей. «Трибуны наших новых судов, — полагал писатель, — это решительная нравственная школа для общества и народа» (23, 163). Его анализ таких процессов с участием присяжных, как дело Кроненберга, Каировой, Джунковских и другие, направлен как раз на усовершенствование нового судопроизводства. Достоевский по сути не возражает и против оправдания подсудимых, вина которых доказана. Он протестует против того, что, «отпуская» их, присяжные не осудили зло, содеянное обвиняемыми. «Зло все-таки надо назвать злом, несмотря ни на какую гуманность, а не возносить почти что до подвига», — убежден Достоевский (23, 11). Под впечатлением процесса над Джунковскими писателю рисовалась «фантастическая картина» суда — для него в определенном смысле идеальная. Подсудимых, истязавших своих детей, суд отпускает со словами: «...вы оправданы, но вспомните, что кроме этого суда есть другой суд — суд собственной совести» (25, 15). Однако призывая осудить зло, а не самого подсудимого, Достоевский так и не смог подсказать присяжным, как, в какой форме возможно было бы это сделать при оправдании преступника. Российские присяжные на вопрос о вине могли ответить только «да» или «нет». Ни мотивировать ответ, ни высказывать нравственного осуждения преступления не позволялось. Да и никакие нравственные сентенции вслед освобожденному типу предложенных Достоевским на суде над Верой Засулич: «Иди и не поступай так больше», — положения не спасали. Они не были действенны в обществе, еще не созревшем настолько, чтобы отказаться от карательных функций суда, в результативность которых писатель верил все меньше. Но и осуждать значило, по признанию самого Достоевского, брать обузу на совесть. Суд присяжных так и не смог разрешить извечного противоречия между законом и моралью, выработать механизм осуждения преступления при наиболее гуманном подходе к преступнику. «Уроки» Достоевского российским присяжным заставляли теоретиков и практиков юриспруденции искать пути к этому.

В необоснованных оправдательных приговорах писатель не склонен видеть проявление милосердия как специфически русской черты национальной психологии. По его мнению, у английских присяжных также есть чувство христианского долга и сострадания. Однако в Англии, где суд присяжных веками утверждался, а не был дарован «сверху», присяжный заседатель ощущает себя прежде всего гражданином. Он понимает, что не является «частным лицом» — «в его руках знамя Англии» (23, 22—23). Этой-то способности ощущать себя гражданами, т. е. «возносить себя до мнения целой страны», по наблюдению писателя, не хватает россий-

ским присяжным, представителям народа, не приученным к гражданской жизни. Отсюда их страх перед ответственностью за решение чужих судеб.

Подобные размышления Достоевского свидетельствуют, что к описанию судебного процесса над Митей Карамазовым он подходил во всеоружии многолетнего изучения нового суда.

Уже в период введения новых уставов в основных губерниях России Достоевский, живший в 1866—1867 годах за границей, по свидетельству Анны Григорьевны, регулярно просматривал отчеты о судебных процессах по русским газетам. Редактируя «Гражданина», он систематически знакомился с общероссийской и провинциальной судебной хроникой по печати. Неоднократно в Петербурге посещал судебные заседания с участием присяжных. Однако предстояло изобразить суд в маленьком уездном городке — в российской глубинке, и вряд ли писатель мог довольствоваться знаниями, почерпнутыми из провинциальных газет. Зная, как работал Достоевский, всегда стремившийся постичь изображаемое до самой сути — «до основания, до корней, до сердцевины», — можно с уверенностью предположить, что он непременно познакомится с провинциальными присяжными на практике, увидит их в деле. Удобнее и легче всего было это сделать в Старой Руссе.

Страницы, посвященные суду над Митей Карамазовым, по-своему это подтверждают: здесь есть такие подробности, которые невозможно узнать из стенографических отчетов о судебных процессах: где и как располагались присяжные, как выглядели, как держались, как реагировала на них публика и т. д. Знал Достоевский и то, где проходили заседания суда в Старой Руссе. Выездная сессия Новгородского окружного суда, проходившая раз в три месяца, располагалась в разных помещениях: как и во многих уездных городах, специального здания для суда в Старой Руссе не было. В черновиках к роману Достоевский отмечает как возможные места судебного разбирательства — клуб, земское собрание, городская дума, съезд мировых судей (15, 338, 340). В романе — зала суда «лучшая в городе — обширная, высокая, звучная» (15, 92).

Судя по черновикам, поначалу писатель думал представить судебную процедуру с участием присяжных во всей последовательности и полноте: вопросы председателя суда о причинах неявки некоторых присяжных, ответы секретаря с объяснениями этих причин, разъяснения прокурора о законности или незаконности отсутствия очередных присяжных и последствия их неявки и т. д. Затем — процедура отвода судей каждой из сторон (адвокатом и прокурором): защита отводила трех из списка присяжных «как прибитых» Митей (15, 338—339, 342). Однако столь обстоятельно разработанный план первой главы («Роковой день») книги XII («Судебная ошибка») был отставлен: он явно лишал начало судебной сцены динамики и напряженности. 12 присяжных появляются в романе, не заслоняемые этими подробностями, — о них сооб-

щается лишь самое главное и прежде всего их социальный состав.

Скотопригоньевские присяжные представлены четырьмя чиновниками, двумя купцами и шестью крестьянами и мещанами. «Наши скотопригоньевские мещане почти те же крестьяне, даже пашут», — объясняет рассказчик то, что представители этих сословий выступают как единое целое. Действительно, в уездных городах приписанные к мещанскому сословию вчерашние крестьяне с сельским хозяйством не порывали, оно составляло порой для них главное занятие. Окраины той же Старой Руссы незаметно сливались с окрестными селами, и по своей психологии мещане уездного городка средней России были по сути теми же крестьянами.

Исследование социального состава суда присяжных губерний средней России (1866—1885) показывает, что крестьян в списках присяжных заседателей, как правило, было свыше 60 %, мещан — около 17 %.¹ Анализ списков жителей Старорусского уезда, избранных в очередные и запасные присяжные заседатели (регулярно публиковавшихся в Приложениях к «Новгородским губернским ведомостям»), также не противоречит этим данным.

В первом общем списке жителей Старорусского уезда, имеющих право быть избранными в присяжные заседатели (1866), из 450 человек числилось 320 крестьян.² Преобладание крестьян сохранялось и в последующие годы. Современники не случайно называли присяжный суд крестьянским: он и не мог быть иным в крестьянской стране.

Достоевский признавался, что, «когда только установился у нас новый суд», ему в мечтаниях мерещились заседания, где почти сплошь будут заседать, например, крестьяне, вчерашние крепостные (21, 13).

Писатель правильно угадал состав присяжного суда в глубинной России, оказавшись прозорливее М. Н. Каткова, не сомневавшегося, что присяжные будут состоять из людей, принадлежащих «к высшим общественным слоям».³ Близкий Каткову взгляд высказывался и радикальной интеллигенцией. Если Н. П. Огарев полагал, что «в среде присяжных крестьян почти не будет», то П. Н. Ткачев весьма скептически смотрел на их возможное участие в суде присяжных.⁴

В составе скотопригоньевских присяжных число крестьян оказалось заниженным, что вполне объяснимо. Автор подчеркивает исключительность дела Карамазова для провинциального суда: оно привлекло самое широкое внимание, получило всероссийскую из-

¹ *Афанасьев А. К.* Присяжные заседатели в России. 1866—1885 // Сб. «Великие реформы». М., 1991. С. 192.

² Новгородские губернские ведомости. 1866. 5 авг. Прилож.

³ Московские ведомости. 1867. 31 марта.

⁴ Колокол. 1861. 1 дек. № 151. Л. 1249; *Ткачев П. Н.* Наши будущие присяжные // *Время*. 1863. № 4.

вестность, проходило с участием столичного адвоката и сопровождалось приездом юристов из других городов. Естественно, что из списков очередных присяжных для жеребьевки отбирались в этом случае преимущественно грамотные и сведущие люди. Отсюда большее, чем обычно в уездном суде, участие чиновников и меньшее — крестьян.

Судя по спискам очередных судебных дел, подлежащих рассмотрению в Старорусском отделении Новгородского окружного суда (они регулярно публиковались в «Новгородских губернских ведомостях»), большинство их составляли дела о кражах, грабежах, укрывательстве краденого, конокрадстве, драках с увечьями и смертельным исходом, поджогах. Более 60 % таких преступлений совершалось крестьянами и рассмотрение их было вполне доступно пониманию крестьян-присяжных.

В романе участие крестьян в суде над Митей воспринимается публикой с недоверием и настороженностью: «Неужели такое тонкое и сложное дело и психологическое дело будет отдано на роковое решение каким-то чиновникам и, наконец, мужикам и что-де поймет тут какой-нибудь такой чиновник, тем более мужик?» (15, 93). Да и сам рассказчик, глядя на скотопригоньевских мужиков, признавался в своих сомнениях: «Что могут такие постичь в таком деле?» (15, 93).

Сходную реакцию на суд присяжных — крестьянский по своему составу — изобразил Н. Н. Златовратский в повести «Крестьяне-присяжные». Здесь в публике тоже сетовали на большой процент «серого элемента»: «нынче вся сессия серая», негодовали, что «серые» не годятся для «деликатного дела».⁵ (Вспомним, что «серые зипуны» у Достоевского синоним крестьянства).

Однако в отличие от провинциального суда, запечатленного писателем-народником Златовратским, где среди присяжных крестьяне преобладали, в скотопригоньевском суде оказались представлены почти все сословия. Здесь были дворяне (в лице чиновников, даже самые мелкие из которых, как правило, происходили из дворян), купцы, крестьяне и мещане. Священнослужителей-присяжных не могло быть, согласно закону, а вот отсутствие интеллигенции в скотопригоньевском присяжном суде представляется искусственным. Автор особо оговорил это отсутствие, отметив, что и чиновники-присяжные были, «разумеется, никогда не прочитавшие ни одной книги» (15, 93). Согласно идейному замыслу, Достоевский нарочито устраняет интеллигенцию из суда «общественной совести», призванного утвердить «народную правду». Точно так он устранил интеллигенцию от участия во всенародном опросе, предложенном в «Дневнике писателя» (1881): она должна была постоять

⁵ Златовратский Н. Н. Крестьяне-присяжные // Златовратский Н. Н. Деревенский король Лир: Повести, рассказы, очерки. М., 1988. С. 34—36. Повесть впервые опубликована в «Отечественных записках» (1874. № 12; 1875. № 3).

в стороне, прислушаться к тому, что скажут «серые зипуны», «мозольные руки». Между тем суд присяжных и в провинции редко обходился без представителей интеллигенции, особенно в первые годы после реформы (а именно к 1866 году отнесено действие романа, отразившего черты и более поздних лет). Списки очередных присяжных Старорусского уезда в этом смысле не были исключением. Здесь значились учителя и смотрители училищ, врачи, работники почты и телеграфа, отставные военные. Да и среди коллежских, надворных и статских советников наверняка попадались и те, кто в отличие от скотопригоньевских чиновников читал книги и газеты.

Златовратский, задавшись целью отобразить именно крестьянский суд, каким был в провинции суд присяжных, все же вводит в его состав наряду с двумя купцами и купеческим сыном неизвестных занятий учителя духовного училища. Один из современников, сам провинциальный присяжный заседатель, вспоминал: «Присяжные наших первых лет, это были люди на подбор. Интеллигенция наша сама стремилась в ряды присяжных, все лучшие силы уезда домогались этой чести, были, конечно, в их числе и купцы, и мещане, и крестьяне, но вместе с тем это были люди грамотные, развитые, пустить неграмотного в присяжные считалось решительно невозможно».⁶ С годами среди образованных слоев общества наметилась тенденция к уклонению от участия в суде присяжных: эта общественная обязанность, никак не вознаграждавшаяся, была весьма утомительна и по-своему тяжела. Только крестьяне по-прежнему истово исполняли ее, хотя для них это было особенно трудно.

Скотопригоньевских присяжных Достоевский рисует неприглядными. Немецкое платье (т. е. пиджачный костюм), которое кто-то из них надел по случаю участия в заседаниях, только подчеркивает неухоженность и невзрачность этого «общественного представителя». Крестьяне-присяжные и не могли выглядеть иначе: из своих волостей они обычно шли в уездный город пешком — с сапогами и лаптями в заплечье. Община выделяла избранным в судьи по 2—3 пятака на душу в день — на пропитание, но транспорт не обеспечивала. Видно, что присяжные скотопригоньевского суда — не из зажиточных. По-видимому, не все преодолели достаточно низкий для присяжных имущественный ценз (100 десятин земли, или недвижимость на 500 р., или 200 р. годового дохода). Скорее всего, большинство попало в списки присяжных механически — по закону — как лица, занимавшие общественные должности (волостных и сельских старост, волостных судей и т. д.).

По-своему жалкими выглядели и чиновники — присяжные заседатели. Рассказчик по их лицам определяет и незначительность жалованья, и тяготы семейного положения — с кучей детей и

⁶ Тимофеев И. П. Суд присяжных в России: Судебные очерки. М., 1882. С. 91.

соответствующими заботами. По сути — это разночинцы, демократический элемент общества. Именно мелкие чиновники, оказавшись в большинстве (крупных защитник отшел из состава присяжных), обеспечили оправдание Веры Засулич.

Два купца, «степенные и молчаливые», в изображении Достоевского ничем особым не выделялись из группы присяжных. Их лица были столь же неподвижны, одежда почти не отличалась от крестьянской. Один из них — с медалью на шее — поименован рассказчиком — это Прохор Иванович Назарьев, что вполне объяснимо: купцы в уездном городе были людьми известными и узнаваемыми. В списках старорусских присяжных Достоевский мог видеть такие знакомые жителям городка купеческие фамилии, как Погребовы, Красильниковы, Быковы, Дьячковы. Эти купцы второй и третьей генерации много делали для благоустройства Старой Руссы, для благотворительности. Медаль «За полезное» (скорее всего, именно она висела на красной ленточке у Назарьева) и давалась за такую деятельность. В списках избранных в очередные и запасные присяжные заседатели по Старорусскому уезду, публиковавшихся в 1870-х годах в Приложении к «Новгородским губернским ведомостям» регулярно, появлялись фамилии купцов 2-й гильдии Плотниковых — отца и сына — Ивана Яковлевича и Павла Ивановича. В лавку Плотниковых писатель заходил особенно часто и там, по воспоминаниям Анны Григорьевны, к нему были очень внимательны. Он мог знать и купца 2-й гильдии Илью Семеновича Шлопова — в его доме летом 1879 года снимали помещение Жаклары. Отправляясь на ежедневную прогулку, Достоевский, как рассказывает Анна Григорьевна, как правило, заходил за Жакларом.⁷ Шлопов неоднократно фигурирует в списках присяжных 70-х годов. И Плотниковы, и Шлопов вполне могли послужить живыми источниками сведений о суде присяжных, непосредственных впечатлений «изнутри» этого института.

Остановившись на сословном составе присяжных, Достоевский несколькими штрихами дает их групповой портрет. При неприглядности и незначительности облика сословных представителей, взятых отдельно, в целом лица присяжных «производили какое-то странно внушительное и почти грозящее впечатление, были строги и нахмурены» (15, 93). Совсем иначе выглядит суд на 2/3 крестьянский по составу в изображении Златовратского. Робкие, неуверенные присяжные шли по залу суда гуськом, «боязливо передвигая ноги <...> старались не смотреть по сторонам». При известных словах: «Прошу встать, суд идет», «присяжные-крестьяне вздрогнули, испугались, смешались и, вставши, долго еще не решались сесть».⁸ Златовратский последовательно и неусыпно следит за реакцией присяжных на происходящее в судебном зале, на разговоры

⁷ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1981. С. 279, 102.

⁸ Златовратский Н. Н. Крестьяне-присяжные. С. 58—59.

в публике, показывая, как трудно им сориентироваться в чужой и непонятной для них обстановке.

Групповой портрет присяжных возникает в романе Достоевского как некий моментальный фотографический снимок, запечатлеваясь в сознании читателя, чтобы в нужный момент снова всплыть в памяти. На всем протяжении судебного процесса присяжные, по воле автора, остаются в тени, безмолвствуя. Один только раз — в начале заседания — рассказчик замечает, что невыдержанность Мити произвела неблагоприятное впечатление на присяжных (15, 94). Но в дальнейшем, останавливаясь на воздействии на публику речей прокурора или защитника, он не упоминает о реакции на них присяжных.

Между тем речи и обвинителя, и знаменитого адвоката обращены именно к присяжным: за них идет борьба противостоящих сторон. «Господа присяжные заседатели, — обращается к ним прокурор. — Вспомните, что вы защитники правды нашей, защитники священной нашей России, ее основ, ее семьи, ее всего святого! Да, вы здесь представляете Россию в данный момент, и не в одной только этой зале раздастся ваш приговор, а на всю Россию, и вся Россия выслушает вас как защитников и судей своих и будет ободрена или удручена приговором вашим» (15, 150). И к тем же «господам присяжным заседателям» взывает защитник: «В ваших руках судьба моего клиента. В ваших руках и судьба нашей правды русской. Вы спасете ее, вы отстоите ее, вы докажете, что есть кому ее соблюсти, что она в хороших руках» (15, 173). В речах противоборствующих сторон — многие мысли и выражения самого Достоевского, запечатленные в его судебных фельетонах 1870-х годов. Сами же присяжные, как уже говорилось, на протяжении суда безмолвствуют, хотя имеют право через председателя задавать вопросы, просить разъяснений по тому или иному поводу.

В публике, по наблюдениям рассказчика, ожидали оправдательного вердикта. «Да помилуйте, неужто не оправдают?» — кричал «один из молодых наших чиновников». «Оправдают наверно, — слышался решительный голос». «Стыдно, позорно было бы не оправдать! — восклицал чиновник», повторяя доводы адвоката и о том, что Митя был в исступлении и что «пусть он убил, но ведь отец и отец!» (т. е. что убил не имевшего права называться отцом) (15, 176—177). Сам столичный адвокат не сомневался, что выиграл процесс («Дело наше, будьте спокойны»), ссылаясь на «невидимые нити, связующие защитника с присяжными», которые, как он ощутил, завязались во время его речи (15, 176).

Основания для подобных прогнозов были связаны не только с искусной речью знаменитого защитника, пытавшегося заставить присяжных взглянуть на дело Мити Карамазова иными глазами («денег не было, грабежа не было, да и убийства не было»). Суд присяжных признавался в обществе более снисходительным по своим приговорам, чем коронный суд. В доказательство того, что

Митю должны оправдать, в публике и ссылались на прецеденты: «...ведь оправдали же у нас великим постом актрису, которая законной жене своего любовника горло перерезала». (Сместив события во времени, Достоевский явно использовал здесь дело Корниловой, против безнравственного оправдания которой он выступал в «Дневнике писателя» 1876 года).

Действительно, по числу оправдательных приговоров присяжный суд значительно опережал коронный. Так, с 1874 по 1881 год из общего числа обвиняемых присяжными оправдано 37 %, в то время как коронными судьями — 26 % обвиняемых.⁹ Однако анализ судебных приговоров за указанный период дает основание усомниться в недостаточной репрессивности суда присяжных. Склонность общественных представителей к оправдательным приговорам была избирательной. Так, крестьяне-присяжные проявляли снисходительность к таким преступлениям, как увечья в драках, потравы, поджоги. Однако строго судили преступления против власти и церкви. По-разному воспринимали они и семейные преступления. Муж, забивший жену, чаще всего оправдывался. Но поднявший руку на родителей получал самый суровый приговор.

В 1879 году новгородский окружной суд с участием присяжных заседателей разбирал дело крестьянина Григория Фаддеева, обвинявшегося в отцеубийстве.¹⁰ Находясь с апреля в Старой Руссе, Достоевский мог познакомиться с отчетом о процессе по «Новгородским губернским ведомостям», подшивки которых находились в старорусских читальнях. Защитник Г. Фаддеева — Я. Соколов доказывал, что отец обвиняемого обращался с ним грубо и жестоко, причинив множество незаслуженных обид. Не столь явно, как у Фетюковича — адвоката Мити Карамазова, у новгородского адвоката все же сквозила мысль, что плохой отец сам заслужил свою участь. Присяжные признали отцеубийцу виновным, но заслуживающим снисхождения. Его приговорили к 12 годам работы в рудниках. Поводом для снисхождения послужило то, что ссора обвиняемого с отцом произошла в праздники, когда Г. Фаддеев был пьян.

В мае 1879 года во временном помещении новгородского окружного суда в Старой Руссе слушалось дело крестьянки старорусского уезда Матрены Яковлевой, обвиняемой в отцеубийстве.¹¹ Эти заседания с участием старорусских присяжных заседателей вполне мог посетить Достоевский. Отчет о процессе не был опубликован, но можно предположить, что приговор присяжные вынесли суровый: суд был по сословному составу присяжных — крестьянским.

⁹ Хрулев С. Суд присяжных // Журнал гражданского и уголовного права. 1886. Кн. 8. С. 21—24. О слабости репрессивных функций присяжного суда по сравнению с судом коронным см. также: Фон-Резон А. К. О нашем суде присяжных // Русский вестник. 1866. № 3.

¹⁰ Стенографический отчет о суде над Г. Фаддеевым с участием присяжных публиковался в «Новгородских губернских ведомостях» 1879 года с января по март.

¹¹ Там же. 12 мая.

Столичный адвокат, взывавший к разуму и чувству скотопригоньевских присяжных, плохо знал психологию, нравственность и традиции крестьянства. Его покушение на пересмотр самих основ нравственности потерпело крах. Сентенции подобно той, что «любовь к отцу, не оправданная отцом, есть нелепость», могла вызвать в присяжных лишь отвращение и протест, который и сказался в приговоре (15, 169).

Да и в части разношерстной публики, собравшейся на суд, эти сентенции возбуждают неприятие: «Господа, положим, красноречие. Но ведь нельзя же и отцам ломать головы безменами. Иначе до чего же дойдем?».

Суд скотопригоньевских присяжных, признавший Митю Карамазова виновным без снисхождения выступает в романе как крестьянский суд, хотя, казалось бы, его сословный характер вполне определен автором. Крестьяне вместе с мещанами составляют здесь лишь половину, чиновники — 1/3 состава. «Что-то наши мужички теперь скажут?» — спрашивают в публике, когда присяжные удалились на совещание. «Да ведь не одни мужички. Там четыре чиновника», — поправляет кто-то (15, 176). Про купцов и не вспоминают — они как бы сливаются с крестьянами и мещанами. В списках присяжных 1860-х годов купцы и выступали одной группой с мещанами.

Из чиновников выбран и староста скотопригоньевских присяжных, который оглашает приговор. Но после суда — как некое подведение итогов — в публике снова слышится: «Да-с, мужички наши за себя постояли» (15, 178). Именно так — «Мужички за себя постояли» — назвал и автор XIV, последнюю, итоговую главу романа.

В публике именно среди чиновников раздавались решительные голоса в пользу оправдания Мити (15, 176—177). Но чиновники в суде присяжных оказались как бы поглощенными мужицким элементом, слившимся с ними. Именно этот мужицкий, крестьянский элемент стал решающим, определившим приговор.

С точки зрения юридической приговор был справедливым — все улики говорили против Мити, все указывало на него как на преступника. Но приговор оказался «судебной ошибкой» — Митя не был отцеубийцей. Писатель показывает несовершенство человеческого суда, даже самого нелицеприятного и стремящегося к справедливости. В упоминавшейся уже повести Златовратского крестьяне-присяжные «засудили» невинного человека по своей некомпетентности, не поняв сути дела, не разобравшись в судебной процедуре. Скотопригоньевские присяжные действовали вполне осмысленно и из представленных следствию доказательств могли сделать только вывод о виновности Мити. Но совершив роковую ошибку, суд присяжных вместе с тем явился для героя своего рода высшим судом, а приговор — «уплатой по итогам» греховной жизни.

В коллективном портрете российских присяжных в романе Достоевского причудливо слиты черты реализма и символики. Художественный образ, представленный писателем еще до того, когда появились первые обобщающие исследования института присяжных заседателей, не противоречит и последним научным изысканиям, в том числе и статистическим. Достоверный, узнаваемый в своей обыденности портрет присяжных в романе поднимается неожиданно до некоего символа суда общественной совести — неподкупного, неподвластного сиюминутным идеологическим и эмоциональным воздействиям. Суд народных представителей подтвердил свою приверженность заповедям Христа, с которыми совпадают общечеловеческие нормы нравственности, отвергнув попытку признать эти нормы относительными.